

— Три года прошло, Хань Мин. Пора возвращаться.

— Моя луна не должна светить в небесах Восточного сектора.

Разбуженный требовательным писком коммуникатора, Хань Мин — тот самый, кого отправитель столь пафосно нарёк «своей луной» — лишь равнодушно скользнул взглядом по светящемуся экрану. Одним ленивым движением он погасил дисплей, мысленно отправив обе присланные строчки в корзину забвения.

Подобных сообщений с заманчивыми предложениями сбежать к другому покровителю за последние годы ему присылали без счёта.

Впрочем, чего ещё ожидать, когда твой врождённый дар носит говорящее название «Ниже лишь одного»?

От этой мысли Хань Мин криво, иронично усмехнулся.

Он был попаданцем. Если выражаться точнее — человеком, заброшенным судьбой в сюжет фантастического романа.

В прошлой жизни, чтобы скоротать время в самолёте, он лениво перелистывал страницы популярного фантастического цикла. Кто же знал, что лайнер попадёт в зону мощнейшей турбулентности и потерпит крушение? Очнулся он уже младенцем, переродившись в мире той самой недочитанной книги.

Сюжет разворачивался в суровой, полной смертельных опасностей космической эре.

Изведанная Вселенная делилась на четыре великих сектора. Восточный сектор поражал колоссальными масштабами, но кишел кровожадными космическими тварями. Южный манил сказочным богатством, однако там безраздельно правила высокомерная аристократия. Суровые пустоши Западного сектора подчинялись закону джунглей, где выживал лишь сильнейший. Ну а Северный сектор...

Северный сектор слыл средоточием абсолютного беззакония и хаоса. Именно там, в самой клоаке обитаемых миров, и началась новая жизнь Хань Мина.

Не будь он взрослым в тельце младенца и не обладай уникальной способностью, которую в этой Вселенной каждый человек пробуждал при рождении на основе своих душевных качеств, Хань Мин вряд ли протянул бы там и дня, не говоря уже о том, чтобы благополучно дожить до совершеннолетия.

Его врождённый талант получил имя «Ниже лишь одного».

****[Название таланта: «Ниже лишь одного»]****

****[Ранг таланта: S-ранг]****

****[Эффект 1: При выборе цели на время действия связи вы получаете от 0,01% до 99,99% её сил и способностей. Одновременно с этим вы перенимаете от 0,01% до 99,99% её негативных состояний, дебаффов и травм. Величина полученных способностей строго эквивалентна объёму принятого негативного воздействия.]****

****[Эффект 2: При расторжении связи и выполнении ряда условий вы можете навсегда и случайным образом скопировать один из навыков цели.]****

****[Оценка Системы: В этой Вселенной одни отчаянно рвутся к первому месту, другие же добровольно довольствуются второстепенными ролями. Уважаем, благословляем, понимаем.]****

На первый взгляд этот дар казался невероятным, но на деле поначалу он был совершенно бесполезен.

Те самые «от 0,01% до 99,99%» вовсе не определялись слепой удачей. Итоговый процент зависел от колоссальной разницы в силе между Хань Мином и его жертвой, от степени совместимости их энергий и ещё множества скрытых факторов. На долю чистого везения приходилась лишь ничтожная погрешность.

В первые годы этой способности едва хватало, чтобы просто не умереть с голоду на затворках галактики.

Хань Мин искренне не понимал, за какие грехи мироздание наградило его талантом вечного прихвостня, паразитирующего на чужом величии. По характеру он никогда не стремился быть ведомым. И пусть ранг таланта гордо именовался высшим, S-рангом, это не умаляло его недоумения.

Неужели Вселенная сочла его слишком изнеженным и решила, что он рождён быть профессиональным приживалой на чужих хлебах?

Но Хань Мин не собирался мириться с предначертанным. Помнится, в романе вскользь упоминалось, что личные таланты способны эволюционировать под влиянием жизненного опыта. Скрипнув зубами, упрямый попаданец пустился во все тяжкие, испытывая свой дар на прочность в безумных, смертельно опасных экспериментах.

В Северном секторе можно было ощутить нехватку чего угодно, кроме отбитых безумцев и авантюристов всех мастей.

За долгие годы Хань Мин успел побывать и правой рукой гениального, но сумасшедшего

художника — его личной музой, — и заложником у жестоких наёмников, умудрившись остаться единственным выжившим в их банде... Постоянное балансирование на грани жизни и смерти принесло невероятные плоды.

Каждая смена объекта связи неизменно завершалась тем, что Хань Мин навсегда забирал себе один из коронных приёмов цели. К восемнадцати годам его развившийся талант и возросшая мощь позволили ему ворваться в первую десятку Вселенского рейтинга талантов и занять место в сотне лучших в Списке совокупной силы.

Пользуясь знанием книжного сюжета, он привязывал свой талант исключительно к тем, кто ещё не успел заявить о себе, но стоял на пороге великих свершений. Очень скоро по галактике поползли легенды о «Врождённом помощнике» и «сером кардинале», способном возвести на трон любого. Шептались, будто под его чутким руководством даже безродная дворняга или трухлявый пенёк неизбежно поднимутся на самую вершину власти.

Со временем Хань Мин сам превратился в своеобразный символ истинного триумфа — живое воплощение королевского венца.

И сколько бы он ни менял зашифрованные частоты связи, днём и ночью ему продолжали сыпаться предложения от амбициозных лидеров, мечтавших заполучить ценнейший кадр в свои ряды.

«Да, признаю, раньше я менял покровителей как перчатки. Но с тех пор как я связался с Дун Яо, прошло почти три года. Я осел в Восточном секторе, стал вторым человеком в его иерархии... Почему эти идиоты до сих пор уверены, что меня так легко переманить?»

Размышляя об этом, Хань Мин поднял глаза на изящную жёрдочку, висевшую у окна.

Жёрдочка пустовала. Его своенравный питомец — белоснежный попугай по кличке Гунчжу — уже давно упорхнул на утреннюю прогулку.

Разумеется, на его риторический вопрос никто не ответил.

За окном разгорался рассвет. Плотные потоки горячего ветра, проникавшие сквозь приоткрытую створку, окончательно прогнали остатки сна. Хань Мин лениво поднялся с постели, быстро освежился под душем и направился к панорамному окну, надеясь отыскать взглядом улетевшую птицу.

Но на самом выходе из ванной он внезапно замер перед зеркалом.

Влажная дымка на стекле ещё не успела рассеяться, скрывая очертания комнаты за полупрозрачной вуалью. Однако эта лёгкая размытость лишь подчёркивала контраст: пряди мокрых угольно-чёрных волос облепили его плечи, ложась на безупречно бледную кожу шеи.

Контраст тёмного и светлого в сочетании с тёплым паром мгновенно наполнил полумрак комнаты интимной, волнующей атмосферой.

Когда конденсат окончательно стёк по стеклу и контуры лица проступили чётко, это мимолётное наваждение сменилось чистым, неописуемым восторгом.

Облик мужчины, смотревшего на него из зазеркалья, казался земным воплощением абсолютной, совершенной красоты.

Даже самый одарённый творец этой Вселенной, собрав воедино все свои фантазии, не смог бы воссоздать и сотой доли этого великолепия.

Изящные черты лица в сочетании с вечной, сковывающей прохладой, которой веяло от каждого движения Хань Мина, порождали пугающую, почти гипнотическую привлекательность. Одного взгляда на него хватало, чтобы лишиться дара речи.

Возможно, его боевой талант и обрекал его оставаться на вторых ролях, но в искусстве очарования он неоспоримо занимал абсолютное первое место во всём обитаемом космосе.

Впрочем, Хань Мин разглядывал своё отражение вовсе не из самолюбования. Его внимание привлекла иная, куда более тревожная деталь — его собственные глаза.

Он прекрасно помнил, что до совершеннолетия его глаза оставались глубокого чёрного цвета. Но за последние три года по внешнему краю тёмной радужки начала медленно расползаться таинственная золотистая кайма.

Сперва это была едва различимая пыльца тёмного золота, затем она посветлела, окрасившись в оттенки нежного розового золота, а теперь, при ярком свете, отливала чистым янтарным золотом. Такими темпами не за горами тот день, когда его взор обретёт легендарные золотые зрачки.

«Я слышал, что у правителей четырёх секторов глаза вспыхивают серебром, когда они злятся или используют свои таланты. Но золото... Дорогое моё мироздание, ты ведь не думаешь, что я свергну всех владык и стану единоличным императором? Слишком уж ты высокого обо мне мнения».

Эта ироничная мысль была адресована вполне конкретному слушателю — Воле Вселенной.

Да, в этом мире действительно существовал высший разум. Воля Вселенной управляла ходом звёздных эпох, строго соблюдая абсолютный нейтралитет.

Если одарённый обладал колоссальным потенциалом или выдающейся силой, Воля Вселенной в знак поощрения открывала ему доступ к ряду особых привилегий. К примеру, удобная

системная панель Хань Мина была создана именно Ею — так высший разум помогал избранным развивать способности на благо обитаемых миров.

И чем выше поднимался воин в рейтингах, тем пристальнее становилось внимание незримого божества.

Хань Мин пусть и не занимал первую строчку, но в плане потенциала превосходил почти всех.

С самого младенчества он ежегодно получал от Воли Вселенной личные поздравления с днём рождения. А стоило ему перешагнуть порог девятнадцатилетия, как система начала присылать ежедневные пожелания доброго утра, хорошего дня и спокойной ночи. Временами Хань Мину казалось, что этот вселенский соглядатай следит за ним без сна и отдыха круглые сутки.

И сейчас его мысленный подкол остался без ответа.

Однако парень не спешил отбрасывать подозрения: утреннее приветствие от системы уже успело высветиться на его коммуникаторе пару минут назад.

Хань Мин бросил последний взгляд на зеркало.

Смена пигментации никак не сказывалась на зрении, а необычные переливы радужки лишь добавляли его лицу налёт божественной таинственности. Решив не забивать себе голову лишними заботами, он отошёл от зеркала и направился к выходу на балкон.

Стоило ему раздвинуть лёгкие шторы, как в комнату с шумом ворвался белоснежный попугай, протиснувшись сквозь приоткрытую створку окна.

Описав пару стремительных кругов над головой хозяина, птица уселась на его плечо и заголосила чистым, на редкость звонким голосом:

— Хань Мин! Обманщик! Хань Мин! Врунишка!

Хань Мин лишь виновато улыбнулся.

Должность второго человека во фракции далась ему нелегко. Три года назад, используя крохи информации из прочитанного в прошлой жизни романа, он сумел разыскать Дун Яо, который тогда ещё даже не помышлял о престоле. Вместе они прошли сквозь ад бесконечных сражений с космическими тварями, буквально вырвав зубами право на трон Восточного сектора.

Сейчас, когда обстановка на границах лишь начала стабилизироваться, на новоиспечённого Восточного владыку свалилась лавина государственных дел. Последние недели превратились для них обоих в непрерывный бег с препятствиями. Хань Мин летел на всех парах, но

закончить дела на окраинах и вернуться в столицу сумел только глубокой ночью.

Как бы он ни спешил, а обещание, данное любимому питомцу, всё же нарушил, опоздав ровно на сутки.

Оттого вредный пернатый и рассыпался праведным гневом.

К слову, этот маленький «принцесса» сопровождал его ещё со времён дикой жизни в Северном секторе. В искусстве сквернословия Гунчжу не знал равных во всей обитаемой галактике, так что обвинение во лжи было самым мягким, что Хань Мин мог от него услышать.

— Ну ладно тебе, я ведь заранее предупредил по связи, что задержусь, — попытался оправдаться Хань Мин, погладив птицу по белоснежной макушке. — Поминать старые обиды — дурной тон для приличного господина.

Пока они обменивались шутливыми колкостями, внизу, у главного входа в Восточный королевский дворец, со скрипом распахнулись массивные створки ворот, и на площадь потянулась вереница придворных.

Хань Мин, стоявший у панорамного окна на верхнем этаже бокового крыла, машинально опустил взгляд и неожиданно пересёкся встречным взглядом с тем, кто шёл во главе процессии.

Это был сам Дун Яо, великий Восточный владыка.

Взгляд Хань Мина скользнул по его наброшенной на плечи форменной шинели из плотной ткани. Под ремнями портупей угадывался мощный, дышащий силой силуэт воина. Коротко подстриженные тёмные волосы открывали волевое лицо с резкими чертами, а завершали этот образ хищные, по-звериному холодные изумрудные глаза.

Нынешний правитель Восточного сектора был на редкость тяжёлым человеком.

Суровое детство на самом дне общества закалило его тело, превратив в идеальное оружие, а годы кровавых сражений выжгли в его груди любые проявления мягкости, оставив лишь холодный гранит.

В обычных обстоятельствах Хань Мин держался бы от подобных субъектов как можно дальше. Но судьба распорядилась иначе: чтобы скопировать уникальные боевые навыки Дун Яо, ему пришлось активировать на нём свою способность и связать их судьбы воедино.

Но запустить талант — это лишь полдела, самая лёгкая его часть.

Чтобы навсегда забрать желаемую силу, требовалось выполнить два жёстких условия. Первое

— официально занять место доверенного помощника цели. Второе — довести уровень определённой эмоции объекта по отношению к себе до необходимого максимума.

И вот, проведя бок о бок с этим ледяным исполином три года, став его незаменимым советником и заслужив признание всей галактики своей мнимой преданностью, Хань Мин по-прежнему терялся в догадках: достигли ли чувства владыки нужного порога?

Стоило оборвать связь раньше времени — и все труды этих мучительных лет пошли бы прахом.

Став заложником собственных колоссальных вложений, попаданец мог лишь стиснуть зубы и безропотно тянуть эту лямку дальше.

К счастью, на горизонте наконец наметился долгожданный просвет.

Сюжет оригинального романа наконец-то пришёл в движение.

Те три книги, что он лениво перелистывал перед катастрофой, несмотря на весь научно-фантастический пафос, были классической любовной историей. А Дун Яо отводилась роль одного из ключевых трагических персонажей первого тома.

Главным героем той истории был юноша по имени Ань Ин, чей врождённый талант звался «Очарованием». В завязке сюжета он прибывал в Восточный королевский дворец, чтобы занять пост дипломата, и со временем без памяти влюблялся в сурового правителя.

Увы, не успевал юноша признаться в своих чувствах, как на сектор обрушивалась волна инопланетных чудовищ. Владыка, измученный застарелыми ранами, погибал в бою, навсегда оставаясь в сердце Ань Ина прекрасным белым лунным светом.

После его гибели безутешный Ань Ин находил в себе силы жить дальше. В ходе войны он завоёвывал верность армии, наводил порядок в секторе, попутно кружа головы другим харизматичным лидерам, и в финале сам восходил на Восточный престол.

Хань Мину не было дела до чужих любовных драм.

Благодаря его вмешательству и уникальному свойству таланта разделять чужую боль, Дун Яо сейчас пребывал в добром здравии. Никаких смертельных недугов у него не осталось и в помине, так что трагическая кончина от старых ран ему точно не грозила.

Да и подготовку к отражению грядущего нашествия тварей Хань Мин уже взял под личный контроль.

Пусть канва событий слегка изменилась, но ведь романтическая искра между главными

героями никуда не делась?

И пускай на страницах книги его имя не упоминалось вовсе, а его здешний клан Хань славился лишь как сброд несчастных статистов, парень обладал завидной скромностью и не собирался лезть на передний план.

Пусть себе милуются. Его цель скромна: доиграть роль до счастливого финала, выжать максимум преданности из сурового вождя во время обороны сектора, благополучно скопировать его боевые навыки и тихо уйти в тень, готовясь к следующему «карьерному прыжку».

Хань Мин перевёл взгляд на хрупкого юношу, шедшего по правую руку от владыки.

Шатен с мягкой, но исполненной скрытой силы улыбкой — это, без сомнения, и был Ань Ин.

На запястье Хань Мина тихо пискнул браслет коммуникатора. На экране высветилось лаконичное сообщение от шествующего внизу правителя, который первым заметил его присутствие:

****[Собрание.]****

Вспомнив, что сегодня день ежемесячного общего отчёта, Хань Мин раздражённо цыкнул.

Ну и деспот! Он только вчера вернулся из изматывающей поездки, неужели так сложно дать помощнику хотя бы день отдыха? До начала совещания оставалось ещё добрых полчаса, а этот суровый вояка уже слал сообщения. Торопит так, словно от этого зависит судьба мира.

Хань Мин с силой задёрнул шторы и вернулся вглубь спальни, решив укрыться от назойливых мыслей в спасительной тишине.

Сейчас он всей душой надеялся, что нежный дипломат поскорее растопит это ледяное сердце. Тогда Хань Мин со спокойной совестью положит на стол заявление об уходе.

«И пусть эту круглосуточную каторгу берёт на себя кто угодно другой!»

Скрывшись в глубине комнаты, Хань Мин так и не узнал, что с момента его появления на балконе и до самой секунды, когда закрылись плотные шторы, изумрудные глаза Дун Яо оставались прикованы исключительно к его силуэту.

<http://bllate.org/book/18306/1755310>